

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.13

**ПОСТИСТОРИЧЕСКИЙ
ФАКТОР В ПРОВАЛЕ
ПОЛИТИКИ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА**

**POSTHISTORICAL FACTOR
IN THE FAILURE
OF THE POLITIC
OF MULTICULTURALISM**

Кочесоков Роберт Хажисмелович

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик
e-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Robert Kh. Kochesokov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov,
Nalchik,
e-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Ашнокова Лариса Мухамедовна

Доктор философских наук, профессор
кафедры философии,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик,
e-mail: kfilos-iifsmi-kbsu@mail.ru

Larisa M. Ashnokova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov, Nalchik,
e-mail: kfilos-iifsmi-kbsu@mail.ru

Унежев Кашиф Хаждаутович

Доктор философских наук, профессор
кафедры культуры, этнологии и истории народов КБР,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик,
e-mail: unegev_k@mail.ru

Kshashif Kh. Unezhev

Doctor of philosophical Sciences, Professor
of Department of Culturology, Ethnology and
history of the peoples of the KBR,
Kabardino-Balkar State University
named after H. M. Berbekov,
Nalchik
e-mail: unegev_k@mail.ru

Зумакулов Борис Мустафаевич

Доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и технологии,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик,
e-mail: bashchy07@mail.ru

Boris M. Zumakulov

Doctor of Historical Sciences,
Professor of Department of theory
and technology, Kabardino-Balkar State
University named after H. M. Berbekov,
Nalchik,
e-mail: bashchy07@mail.ru

В статье анализируются причины провала политики мультикультурализма в Европе. Утверждается, что существенную, если не решающую, роль сыграло кардинальное изменение мировоззренческих установок, прежде всего утверждение в общественном сознании Запада идей конца истории и постистории. Подчеркивается, что важнейшей характеристикой современности являются наложение этих идей друг на друга и их общее влияние на общественное сознание. Отмечается, что в современном мире сталкиваются две системы мышления, сложившиеся, соответственно, в обществах, где история «завершилась» и формируется постисторическое мышление, и в обществах, в которых продолжает доминировать историческое, а частично даже преисторическое мышление. В этой связи выход видится в преодолении ошибочных мировоззренческих установок о конце истории и проблематичности исторического развития. Фактором, сплачивающим различные культуры (народы), может быть только идеология, в которой на первый план выведены гуманистические идеалы.

Ключевые слова: мультикультурализм, конец истории, постистория, столкновение цивилизаций, идеология, постмодернизм, философия истории.

The paper analyzes the causes of failure of policy of multiculturalism in Europe. It is argued that a important, if not decisive, role was played by the cardinal change of world outlook, first of all, the affirmation in the social consciousness of the West of the ideas of the end of history and posthistory. It is emphasized that the most important characteristic of modernity is the imposition of these ideas on each other and their general influence on the social consciousness. It is noted that in the modern world there are two systems of thinking that have developed, respectively, in societies where history has "ended" and formed posthistorical thinking, and in societies in which historical and, in part, prehistorical thinking continues to dominate. In this regard, the way out is seen in overcoming erroneous worldviews about the end of history and the problematic historical development. A factor that unites different cultures (peoples) can only be ideology, in which humanistic ideals are brought to the fore.

Keywords: multiculturalism, end of history, posthistory, clash of civilizations, ideology, postmodernism, philosophy of history.

Введение

Одним из важнейших событий последних лет является публичное признание ведущими государственными деятелями и многими учеными провала политики мультикультурализма в Европе. Уже третий, после американского «плавильного котла» и советской национальной политики, грандиозный проект политики сосуществования культур проваливается, лишая, по сути, нас надежд на решение этой животрепещущей проблемы. Между тем в обозримом будущем она будет только обостряться. В этой связи важно понять, почему очередной проект провалился или как минимум не оправдал возлагавшихся на него надежд. Цель данной статьи – внести посильную лепту в решение этой проблемы. Это имеет большое практическое и теоретическое значение.

Особенности политики мультикультурализма в Европе

Но предварительно определимся с понятийным аппаратом. Как известно, в современной науке понятие «мультикультурализм» используется в двух основных значениях.

Во-первых, оно обозначает культурную разнородность общества. Как справедливо замечают некоторые исследователи, в данном случае корректнее было бы использовать понятие «мультикультурность» [1]. При таком подходе мультикультурными являются практически все современные общества.

Во-вторых, оно обозначает политику, направленную на сохранение культурного разнообразия общества. Но и здесь тоже среди ученых нет единого мнения. Некоторые понимают под мультикультурализмом политику, проводимую только в отдельных регионах мира (прежде всего, в США, Канаде, Австралии и Западной Европе). Другие же экстраполируют это понятие чуть ли не на весь мир. Более того, придерживающийся подобной точки зрения известный специалист по мультикультурализму французский социолог М. Вивьерка называет ограничение мультикультурализма рамками Запада проявлением «методологического этноцентризма», которому не место в социальных науках [2]. Заметим, кстати, что он, в отличие от большинства ученых, не согласен с концом мультикультурализма и говорит, что если на Западе дискуссии о мультикультурализме стихают, в других регионах мира, в частности, в Латинской Америке, интерес к нему только возрастает [2]. Действительно, когда говорят о провале или даже конце мультикультурализма, имеют в виду прежде всего политику, проводимую (или проводившуюся) в Западной Европе в последние десятилетия. Поэтому в данной статье мы также под мультикультурализмом будем понимать главным образом западноевропейский вариант, хотя многие выводы касаются и других вариантов. Поэтому сначала позволим себе вкратце напомнить некоторые ее отличительные черты.

Хотя политика мультикультурализма во всех странах порождена одними и теми же тенденциями современности (глобализация, миграция, демократизация) и преследует одни и те же цели (признание культурной разнородности и уравнивание культур), в различных странах она обрела свою специфику.

Появление мультикультурализма чаще всего объясняется миграционным фактором, т.е. увеличением удельного веса *мигрантов*, отличающихся по своей культуре от основной массы населения.

Но распространение в США мультикультурализма объясняется главным образом отнюдь не увеличением доли мигрантов, хотя это

тоже сказалось. Здесь политика мультикультурализма пришла на смену оказавшейся неэффективной политики «плавильного котла». В Стэнфордской философской энциклопедии подчеркивается, что сторонники мультикультурализма отвергают идеал «плавильного котла», в котором меньшинства должны были ассимилироваться в доминирующую культуру, в пользу идеала, в котором меньшинства могут сохранять свои отличительные коллективные идентичности и практики [3]. Об этом же говорит и известный американский социолог Дж. Мэссионис, отмечая, что «с самого начала случилось так, что многочисленные культуры не столько слились воедино, сколько выстроились в иерархию. На самом верху оказались англичане, которые составляли большинство на заре Соединенных Штатов и сделали английский язык национальным. Людям иного происхождения, очутившимся в иерархии ниже, было рекомендовано моделировать себя, подстраиваясь под “лучших представителей общества”. На практике получилось, что “переплавка” превратилась в принятие английского образа жизни» [4, с. 122]. А мультикультурализм же предполагает признание культурной разнородности США и содействие уравниванию всех культурных традиций [4, с. 122]. Нетрудно заметить, что речь идет вовсе не о мигрантах.

Кроме того, в США сказался в некотором смысле комплекс исторической вины, прежде всего перед аборигенным индейским населением и афроамериканцами. Поэтому целью ставилось преодоление исторической несправедливости, приобретшее зачастую крайние формы, что хорошо показано П. Бьюкененом [5].

В Канаде же политика мультикультурализма была выдвинута в целях решения обостряющей проблемы сосуществования двух основных групп населения: англофонов и франкофонов. Понятие «мультикультурализм» противопоставлялось понятию «бикультурализм». Эта политика была направлена преимущественно на этнические группы европейского происхождения [6].

В Австралии политика мультикультурализма первоначально имела целью устранить социальное и образовательное отставание мигрантов. Впоследствии, хотя и выражалась решительная поддержка иммигрантов в их усилиях сохранять свои культурные и языковые традиции, всегда подчеркивалось, что культура сложившегося общества и его политико-административные институты будут сохранять свое первенство. Культурное разнообразие рассматривалось как усиливающее социально сплоченное австралийское общество [7].

Европа же заимствовала эту модель для того, чтобы решить вопрос об интеграции мигрантов в общество. Иными словами, здесь речь шла о взаимоотношениях коренного большинства и мигрантов. Первоначально количество мигрантов было небольшим, и они, если и не интегрировались в общество, по крайней мере не становились проблемой. Но с увеличением их удельного веса закономерно возник вопрос об их интеграции. Политика мультикультурализма проводилась для того, чтобы мигранты чувствовали себя *как дома*, а не как *на чужбине*. Заметим, что такой проблемы по существу не было ни в США, ни в Канаде, где оппонирующие стороны и так чувствовали себя как дома. Причем государство демонстративно выказывало толерантность к мигрантам и требовало того же от коренного большинства. Оно помогало мигрантам сохранять свои ценности, т.е. культурные различия приветствовались.

По другим причинам политику мультикультурализма поддерживали сторонники расширения демократии. Они понимали под мультикультурализмом равенство всех социальных, а не только этнонациональных или религиозных, групп. Кроме того, вспомним, что политику мультикультурализма в этих странах активно поддерживали феминистки, представители сексуальных и прочих меньшинств [1]. В Европе, напротив, на первый план вышла проблема интеграции этнонациональных и религиозных меньшинств. Именно в этом направлении, как уже говорилось, и обозначился провал, а вовсе не по политике равноправия сексуальных меньшинств, которая как раз процветает.

Таким образом, в Европе политика мультикультурализма подразумевала главным образом признание равноправия культур коренных народов и мигрантов и создание условий для их сосуществования. Нетрудно заключить, что эта модель была привлекательной и гуманной. Однако она не сработала, по крайней мере не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались.

О роли постисторического фактора в провале политики мультикультурализма

Провал, конечно, вызван множеством факторов. Прежде всего, политическими ошибками, совершенными в ходе реализации модели мультикультурализма. К примеру, неограниченным наплывом мигрантов, окончательно поставившим крест на этой модели. Сказался, конечно, и спад в социально-экономическом развитии западноевропейских стран.

Но, на наш взгляд, существенную, если не решающую, роль сыграло кардинальное изменение мировоззренческих установок, прежде

всего утверждение идей конца истории и постистории. Обратим внимание на то обстоятельство, что концепция мультикультурализма появляется практически одновременно с такими концепциями, как конец истории, постистория, столкновение цивилизаций. На наш взгляд, это не случайно. Они порождены одним и тем же мировоззрением, в частности специфическим взглядом на исторический процесс (особой философией истории).

Теории конца истории и постистории зачастую рассматриваются как одно и то же, но это не совсем корректно. Конец истории – это элемент линейной парадигмы истории, между тем как постистория – это элемент постмодернистской философии истории. Если в первом случае речь идет о характеристике состояния общества, в котором исторический процесс «завершился», то во втором случае речь идет о возможности плюралистической интерпретации исторического процесса. Идеи конца истории всегда присутствовали в линейных концепциях истории, а постистория появляется только в конце прошлого столетия. Наложение этих парадигм друг на друга и их общее влияние на общественное сознание – вот ключевая характеристика современности.

Здесь необходимо сделать важную оговорку. В рассматриваемом плане вопрос о справедливости (истинности) теорий конца истории или постистории не имеет принципиального значения. Авторы данной статьи, как и большинство ученых, не разделяют эти теории. Однако это не может служить аргументом для отрицания правомерности характеристики, оценки состояния общественного сознания. Признать истинность теории конца истории или постистории и признать истинность того, что эти теории глубоко проникли в общественное сознание, вовсе не одно и то же. Необходимо признать, что дух конца истории и постистории пронизывает современное общественное сознание. Конечно, авторы этих концепций во многом способствовали проникновению этих идей в общественное сознание, но они, можно сказать, просто рациональным языком описали состояние, в котором оказалось современное общество.

Теперь рассмотрим, каким же образом идеи конца истории и постистории повлияли на политику мультикультурализма.

Во-первых, концепции конца истории и постистории формируют *внеисторический* взгляд, хотя по различным причинам. Концепция конца истории считает историческим (преходящим) лишь прошлое, но не настоящее. А концепция постистории вообще отвергает исторический подход, точнее, рассматривает его лишь как один из возможных

вариантов прочтения исторического процесса. К примеру, подход конца истории имплицитно полагает, что культура раньше менялась, но теперь обрела «завершенный» вид и кардинально не будет меняться. А концепция постистории прямо подчеркивает, что культуры нельзя рассматривать ни как развитые, ни как неразвитые – все зависит, так сказать, от точки отсчета.

В интересующем нас плане следует вспомнить, что на предыдущем историческом этапе в оценке различных культур господствовала теория модернизации, основанная на линейной концепции философии истории. Линейная концепция недвусмысленно предполагала, что есть «развитые» и «отсталые» культуры (народы). Из этого вытекало, что необходимо модернизировать «отсталые» народы. Модернизация понималась как перенятие «отсталыми» народами ценностей и установок «развитых» народов.

Концепции конца истории и постистории заставляют кардинально пересмотреть эти представления. И здесь складываются два видения решения проблемы: столкновение культур (цивилизаций) и мультикультурализм. Общим у них является признание того факта, что культурные различия естественны и не будут впоследствии стираться. Различаются же они по предлагаемым выходам из сложившейся ситуации. Концепция столкновения цивилизаций смирялась с непреодолимостью культурных (цивилизационных) различий и призывала как минимум к сохранению статус-кво [8]. Мультикультурализм же доказывал, что сохранение культурных различий не только не мешает, более того, есть необходимое условие для налаживания гармоничного сосуществования.

Во-вторых, философы уже давно показали, какое негативное влияние на общественное сознание оказывает чувство завершенности истории. К примеру, Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал: «Когда эпоха удовлетворяет все свои желания, свои идеалы, это значит, что желаний больше нет, источник желаний иссяк. Значит, эпоха пресловутой удовлетворенности – это *начало конца*» [9, с. 12]. Эти слова философа удивительно точно характеризуют состояние общественного сознания в современных западноевропейских странах.

Здесь необходимо обратить внимание на роль (можно даже сказать, ответственность) интеллектуальных и политических элит.

Интеллектуальные элиты, прежде всего философы, несут большую ответственность за формирование общественного сознания. В частности, современная постмодернистская философия довольно точно характеризует общественное сознание конца истории и постисто-

рии. В частности, Ж. Бодрийяр подчеркивает: «Итак, мы проживаем время и историю в своего рода послекоматозном (past-comatose) состоянии. Это вызывает нескончаемый кризис. Больше нет будущего, которое перед нами, но лишь невозможность достичь его и заглянуть по ту сторону конца. Как память о будущем, предсказание исчезает в точно том же самом количестве, как и прошлая память» [10]. В лучшем случае утверждается, что оптимальный вариант социальной системы уже найден, и, кроме каких-то второстепенных проблем, кардинально ничего не стоит менять. Этим духом как раз пронизана работа Ф. Фукуямы [11]. Но философы вряд ли должны ограничиваться констатацией сложившейся ситуации. Ведь философия во все времена определяла некие ориентиры дальнейшего развития общества и человечества в целом.

Сказанное вовсе не означает, что никто из философов не выдвигает альтернативных концепций. Вот здесь сказывается роль (ответственность) политической элиты. Она призвана выдвинуть на первый план идеологии, в наилучшей степени способствующие социальному развитию. Ограниченный политик опирается на идеологию, позволяющую решать лишь краткосрочные проблемы, в то время как крупный политик берет на вооружение идеологию, которая в стратегическом плане определяет дальнейшее развитие страны. Сейчас складывается впечатление, что теории конца истории и столкновения цивилизаций либо написаны по политическому заказу, либо намеренно выведены на первый план политиками, не желающими решать другие вопросы, как раз способствующие развитию человечества.

В-третьих, философы прошлого описывали, как идея конца истории сказывается на сознании обществ, где история *уже «завершилась»*, но они не обращали внимания на сознание обществ, где история *еще «не завершилась»*. А это имеет принципиальное значение и приводит к взаимному недопониманию сторон. Так, на первый взгляд политика мультикультурализма выглядит гуманной, поскольку позволяет в процессе взаимодействия прийти к согласию. Внешне политика мультикультурализма представляет собой отход от политики ассимиляции. Но в реальности это не совсем так. Дело в том, что конец истории предполагает, что все общества в конечном итоге должны прийти к одному и тому же состоянию. Просто некоторые общества уже пришли к нему, а другие – еще нет. Мультикультурализм предполагает, что первые должны помочь вторым прийти к цели. Иными словами, и здесь на самом деле речь идет о вестернизации, перенятии западных ценностей другими обществами. Более того, такое, так сказать, «снис-

ходительное» отношение может вызывать только раздражение, но во все не благодарность.

В этом плане в эволюции политики Запада по отношению к другим странам можно выделить три этапа. Первый этап – это насильная вестернизация, колонизация, когда Запад был уверен, что приносит благо «дикарям». Второй этап – теория модернизации, которая предполагала, что изменение экономических (технологических) основ приведет третьи страны к западным культурным ценностям. Третий этап – мультикультурализм – предполагает, что посредством изменения культурных ценностей можно обеспечить «безболезненное вхождение» в новое культурное пространство.

Вот здесь как раз сказывается роль *постисторического* мировоззрения. Постисторизм предполагает, что в принципе несложно перестроить общественное сознание. Никакого *исторического вызревания* общественного сознания не требуется, необходимо просто его *реконструировать*. Ризоматическое видение мира позволяет как угодно интерпретировать направленность социального развития [12, с. 6–45]. Но здесь приверженцы постистории не замечают столкновения двух систем мышления: с одной стороны, общества, в котором история «завершилась», историческое мышление преодолено, превзойдено, формируется постисторическое мышление, с другой – общества (обществ), в котором продолжает доминировать историческое, а частично даже преисторическое мышление.

В-четвертых, постмодернистская теория плюрализма и равенства всех культур предполагает, что в принципе никто не должен менять свои культурные ценности и практики. Тем самым она формирует крайне не критическое отношение людей и обществ к своим культурам.

В-пятых, призывая к сосуществованию и взаимодействию культур, мультикультурализм вместе с тем с самого начала избегал четкого ответа на вопрос о том, на базе каких ценностей будет осуществляться взаимодействие? На наш взгляд, его приверженцы, руководствуясь теорией конца истории, предполагали, что либеральная политическая система создает необходимые рамки взаимодействия. Иными словами, всех людей объединяют идеологические ценности, а культурные различия как дополняющие, второстепенные будут к ним адаптированы. Многие исследователи справедливо обращают внимание на то обстоятельство, что сторонники мультикультурализма зачастую понимают под культурными различиями одежду, еду и т.п.

Заключение

Может сложиться впечатление, что авторы данной статьи отвергают теорию и политику мультикультурализма как несостоятельную во всех отношениях. Напротив, мы считаем необходимым подчеркнуть ценнейший опыт мультикультурализма. В какой-то мере можно даже согласиться с М. Вивьеркой в том, что мультикультурализм далеко не исчерпал себя [2]. Но в данном случае мы хотим обратить внимание на его ошибки и по мере возможности извлечь уроки.

Во-первых, необходимо преодолеть ложную мировоззренческую установку о конце истории и проблематичности исторического развития. Общественное сознание должно быть настроено на социальное развитие. Кризис современного либерализма, а также далекие от решения проблемы международных отношений открывают путь новой идеологии, которая действительно нацеливает все народы на создание нового миропорядка. Это не означает возврат к прошлому. Это должно быть, говоря гегелевским языком, отрицанием отрицания, т.е. с учетом критики постмодернизма. Это должна быть новая философия истории.

Во-вторых, вряд ли правомерно отбрасывать исторический подход как «пережиток прошлого». В данном случае это означает, что нельзя рассматривать культурное разнообразие как нечто неизменное. Что бы мы ни говорили, со временем в результате интенсификации взаимодействия народов культуры во многом унифицируются, степень разнородности ослабляется. Поэтому говорить о каких-то непреодолимых, неразрешимых культурных противоречиях вряд ли правомерно.

В-третьих, нельзя также отказываться от диалектического подхода. Нельзя рассматривать элементы культуры как нечто равноценное и равнозначимое. Здесь, как нам кажется, часто допускается методологическая ошибка, когда культуры сравниваются, так сказать, по горизонтали. Иными словами, сопоставляются (и даже противопоставляются) различные культуры и ставится вопрос, какая из них лучше. К примеру, такой подход имплицитно присутствует и у Фукуямы, и у Хантингтона. Он вызывает обратную реакцию, т.е. представители каждой культуры начинают доказывать преимущества и достоинства своей культуры. Кроме того, такой подход и методологически ошибочен, поскольку то, что является хорошим для одного общества, необязательно должно быть хорошим, полезным, эффективным и для других обществ. Поэтому культуру надо оценивать, так сказать, вертикально, т.е. сравнивать различные элементы одной и той же культуры, и ставить вопрос о том, какие из них способствуют развитию данного общества, а какие – нет. Представляется, что в этом случае народы

научатся более трезво и критически относиться к своим культурам, что, несомненно, будет способствовать их диалогу.

В-четвертых, в теории и политике мультикультурализма, как нам кажется, делается слишком большой акцент на культуре, как будто культура есть нечто самодостаточное. Как будто не культура для человека, а человек для культуры. Культура есть способ бытия человека. Не может общество ставить своей целью «законсервировать» нынешние культуры, они должны способствовать совместному выживанию человечества, решению его насущных проблем. Поэтому на первом плане должны находиться гуманистические идеалы [13]. Если не будет умеренной альтернативной идеологии, то общество будет «праветь», общественное сознание будет становиться все дихотомнее, что наглядно демонстрируют тенденции развития политического процесса в западноевропейских странах.

Литература

References

1. Нарочницкая Е.А. Мультикультурализм как философско-политическая концепция [Электронный ресурс]. URL: <http://perspectivy.info>> Перспективы (дата обращения: 27.05.2017).

2. Wiewiorka M. The End of Multiculturalism? Intervention de Michel Wiewiorka lors de Congres ISA World Congress of Sociology a Yokohama en juillet 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://wiewiorka.hypothesis.org/321> (дата обращения: 27.05.2017).

3. Multiculturalism [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/multiculturalism/> (дата обращения: 27.05.2017).

4. Масионис Дж. Социология. СПб. : Питер, 2004. 752 с.

5. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003. 444 с.

6. Multiculturalism [Электронный ресурс]. URL: <http://thecanadianencyclopedia.ca/en/article/multiculturalism> (дата обращения: 02.06.2017).

7. Wiewiorka M. Is multiculturalism the solution? [Электронный ресурс]. URL: http://epolis.cz/download/pdf/materials_11_1.pdf (дата обращения: 27.05.2017).

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.

1. Narochnitskaya E.A. Mul'tikul'tyralizm kak filosofsko-politicheskaya kontseptsiya [Elektronnyy resurs] URL: <http://perspectivy.info>>Перспективы (data obrashcheniya: 27.05.2017).

2. Wiewiorka M. The End of Multiculturalism? Intervention de Michel Wiewiorka lors de Congres ISA World Congress of Sociology a Yokohama en juillet 2014 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://wiewiorka.hypothesis.org/321> (data obrashcheniya: 27.05.2017).

3. Multiculturalism [Elektronnyy resurs] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/multiculturalism/> (data obrashcheniya: 27.05.2017).

4. Masionis J. Sociologiya. SPb. : Piter, 2004. 752 p.

5. Buchanan P.J. Smert' Zapada. M. : AST, 2003. 444 p.

6. Multiculturalism [Электронный ресурс]. URL: <http://thecanadianencyclopedia.ca/en/article/multiculturalism> (data obrashcheniya: 02.06.2017).

7. Wiewiorka M. Is multiculturalism the solution? [Elektronnyy resurs]. URL: http://epolis.cz/download/pdf/materials_11_1.pdf (data obrashcheniya: 27.05.2017).

8. Huntington S. Stolknoveniye tsivilizatsii. M. : AST, 2003. 603 p.

9. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.

10. *Бодрийяр Ж.* В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosof.historic.ru> (дата обращения: 27.05.2017).

11. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // США: экономика, политика, история. 1990. № 5. С. 39–54.

12. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 896 с.

13. *Волков Ю.Г.* Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М. : Соц.-гуманит. знания, 2000. 137 с.

9. *Ortega y Gasset J.* Vosstaniye mass // Voprosy filosofii. 1989. № 3. P. 119–154.

10. *Baudrillard J.* V teni tysyacheletiya, ili Priostanovka goda 2000 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.filosof.historic.ru> (data obrashcheniya: 27.05.2017).

11. *Fukuyama F.* Konets istorii? // SShA: ekonomika, politika, istoriya. 1990. № 5. P. 39–54.

12. *Deleuze J., Guattary F.* Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg : U-Faktoriya; M. : Astrel', 2010. 896 p.

13. *Volkov Yu.G.* Manifest gumanizma (Ideologiya i gumanisticheskoe budushchee Rossii). M. : Sots.-gumanit. znaniye, 2000. 137 p.

Поступила в редакцию

16 июня 2017 г.